

И повторил ребенок-полубог:

— Что было — есть. Для сказки нет конца. Куда ж еще мог полететь Пегас? Быть может, он прилетит ко мне? Я жду его.

Ответила ребенку-полубогу Эвримеда:

— Он вылетел и скоро долетит.

Задумался Беллерофонт. Сказал:

— Я укрощу крылатого Пегаса и полечу на нем. Главк, мой отец, умеет укрощать земных коней. Я укрощу небесного коня. Скажи, а то, что будет, тоже есть?

С улыбкою ответила Эвримеда:

— Есть — для героя.

— А что же тогда бывает и не будет?

И услышал Беллерофонт ответ:

— Если герой приходит, все бывает.

Я. Голосовкер. Сказания о титанах

Парод¹

Все было так хорошо, что даже слишком.

Ветер шелестел в кронах дубов и лип. Журчал ручей, нежась в илистом русле. Хор птиц славил великого Гелиоса, чья колесница завершала свой дневной путь. Венец солнечного титана заволокла слабая дымка: Гелиос размышлял. А может, просто дремал, отпустив поводья, — кони и без возникшего знали дорогу.

Белый конь пасся на склоне горы, возле ручья. Время от времени он поднимал голову к небу и тихонько ржал. Он ждал ответа от упряжки, везущей солнце, но ответа не было. Тогда конь фыркал, бил копытом в землю и вновь принимался щипать траву.

Из ручья за ним наблюдала нимфа. Волосы густой волной стекали на маленькую, слабо очерченную грудь: черное на белом. В глазах, светлых и прозрачных, словно две капли росы, застыло восхищение. Когда конь ржал, нимфа пряталась в ручей. Нагое тело растворялось в бликах, играющих на воде, чтобы вскоре снова вернуться к прежним очертаниям женщины.

Боялась? Чего?

Нимфы пугливы, такова их природа.

Конь был прекрасен. Им залюбовался бы самый взыскательный ценитель. Миниатюрный, изящный, весь грация и радость жизни, он словно вышел из-под резца гениального скульптора. Стройные ноги мягко переступа-

¹ *Парод* — пролог, вступительная песня хора в античной трагедии. — *Здесь и далее примеч. автора.*

ли с места на место. Казалось, конь танцует в воздухе, не сминая копытами травинки и метелки дикого овса. Под шелковистой кожей играли сильные мышцы. Когда конь переставал пастись и обращал взор к небу, становилось видно, как высоко он держит голову и шею. В иных случаях говорили, что это привычка колесничных лошадей, которым хомут давит на дыхательное горло. Но представить хомут на белоснежном красавце?

Нет, этого не смог бы и бог.

Текли минуты. Нимфа пряталась, возникала, снова пряталась. Взгляд ее туманился донной мутию, светлел, чтобы опять подернуться рябью. Поглощенный трапезой, конь не обращал внимания на хозяйку ручья. Вот он поднял голову в очередной раз, начал рыть землю копытом. Фыркнул, но иначе: громко, с беспокойством, почуввав что-то, скрытое от ветра, лип, птиц.

Нимфа вздрогнула.

Воздух, вырвавшись из тонко очерченных ноздрей животного, тоже задрожал. Так дрожит пространство над костром, разведенным в лютой зной. Дрожь ширилась, уходила назад, словно вторая грива. Вот уже и над конской спиной трепещет слабое мерцание, подобное зарницам на горизонте. Сгустившись, оно превратилось в пару огромных крыльев. Конь вырос на ладонь, на две, раздался в груди. Запрокинув голову, он заржал: страстно, дико. Ветер сбежал из листвы, умчавшись на восток. Нимфа нырнула в ручей; птицы шумной стаей ринулись прочь. Далеко на закате солнечная колесница придержала свой бег. Гелиос натянул поводья и обернулся через плечо: титан в огненном венце удивился тому, что слышит.

Хлопок крыльев был подобен грому.

Когда конь взлетел, нимфа, растворенная в воде, ждала, что он уменьшится. Превращение из белого жеребца в черную точку — это было бы естественно для того, в ком сейчас было больше от орла, чем от коня; вернее, естественно для зрителя, следящего за его полетом. Но пона-

чалу конь, напротив, сделался больше прежнего. Похоже, он рос так быстро, что расстояние от земли до неба, стремительно увеличиваясь, не могло справиться с этим бешеным, этим чудовищным ростом.

В итоге расстояние победило. Время и расстояние — эти два неутомимых бойца побеждают всех, как ни крути. Быстрее ветра темное пятнышко мелькнуло над Алейской равниной и скрылось из глаз.

* * *

Языки тумана лизали прибрежный песок.

Их движение было подобно ленивому прибою, пряча под собой настоящие волны. Волны? Какие там волны?! Судя по мерному, еле слышному шелесту, на море царил полный штиль. Налети буйный вихрь, вздыбь морскую гладь громадами пенных валов, с грохотом обрушь их на берег — и от тумана, разорванного в клочья, не осталось бы и следа. Но ласковый Зефир и гневный Борей носились в иных краях, брезгуя островами Заката.

Туман воспользовался этой поблажкой. Почувствовав себя хозяином положения, он принялся творить собственное туманное мироздание. Укрыл море одеялом из овечьей шерсти: вот и нет моря! На краю острова он загустел, копя силы, заполнил бухту до краев, захватил плацдарм — и повел наступление на сушу.

У береговых скал, обрамлявших бухту, медленно, как во сне, вздыбились и начали расти бесплотные буруны. Туман ловко прикидывался водой, его армия наступала. Призрачные волны-воины в белесых доспехах не торопились атаковать, но и не откатывались назад с бессильным клочкотанием. Они двигались вперед, и только вперед, сжимали кольцо вокруг острова, отъедали и поглощали сушу шаг за шагом. Вот ложные воды подступили к подножию утеса, что возвышался над всей восточной частью тверди. Лизнули основание, потянулись выше...

В очертаниях утеса, в тусклых отблесках, игравших на сглаженных уступах, крылось что-то противоестествен-

ное. Ни деревца, ни кустика, ни клочка пожухлой травы. Птичьи гнезда? Осыпи? Сколы? Трещины? Утес казался цельным монолитом — и в то же время состоял из частей, пригнанных одна к другой без малейшего зазора.

Туман замешкался, пытаясь разрешить загадку. Впрочем, не важно. Какова бы ни была природа утеса, туман поглотит его, скроет от глаз — и воцарится над крошечным миром.

Остров пронзила дрожь: едва ощутимая, но явственная. Должно быть, матери Гее сделалось холодно — и озноб земли передался всему существу. Эхо далекого звука долетело из-за горизонта, скрытого туманом. Стон? Скрежет? Зов?

Не разобрать.

Да и был ли звук?

Дрожь унялась. Вопреки этому прибой — настоящий прибой — усилился. Море под мглистым одеялом задышало громче, отчетливей.

Море?!

Дышал утес. Поверхность его, еще миг назад бездвижная, как у любой другой скалы, теперь пульсировала — все чаще с каждым ударом. Быстрее, еще быстрее...

Утес шевельнулся.

Тяжкий вздох сотряс остров. Туман, бледный от ужаса, шарахнулся прочь, но опоздал. Авангард его войск был втянут в двойную пещеру исполинских ноздрей и сгинул без следа. Утес двигался, распрямлялся, возносился к небесам, превращаясь в гиганта. Остатки тумана вихрились у его ног, в панике отступали. Обнажился каменистый берег, песчаный пляж, серые скалы, поросшие ракушками, тусклая морская гладь, тревожная рябь на ней...

Гигант в сверкающих латах встал во весь рост. Жесткая щетка конских волос на его шлеме, выкованном из черной бронзы, царапала небеса. Будь исполин поменьше ростом, посторонний зритель отметил бы сложение атлета, доспех искусной работы, сидевший на владельце

как влитой: нагрудник, наручи, поножи. Но вряд ли чей-то взгляд — человека, титана или бога — сумел бы охватить его фигуру целиком. Лишь золотой блеск на боку великана сразу приковывал к себе внимание. Что бы там ни блестело, это создала Лисса, богиня безумия, потому что прийти к однозначному выводу было решительно нельзя. Вначале представлялось, что блестит меч, широкий и длинный *аор*¹ — под стать своему могучему хозяину. Но в следующий миг меч превращался в колчан сияющих стрел, тянулся дальше, оборачиваясь золотым луком в руке воина. Лук расплывался, втягивался в колчан, уступал место мечу, меч — луку, и так без конца.

Великан обратил лицо к востоку. Мглистые небеса в той стороне просветлели, словно только и ждали этого взгляда. Разрывая тучи, от горизонта к острову протянулась огнистая семицветная радуга, увенчанная гривой из косматого пламени, — мост, ведущий...

Куда?

Великан прислушался. Казалось, он способен услышать шелест стрекозиных крыльев за краем мира, на дальнем конце переливчатого моста. В нерешительности, которая не вязалась с грозным обликом, гигант переступил с ноги на ногу. Земля ощутимо содрогнулась. Туман в ужасе пошел клочьями, стремительно редая. Радуга всколыхнулась, роняя перья из огня, поблекла и втянулась в сумрачный небокрай.

Погасла.

Какое-то время великан молчал, по-прежнему глядя в даль. Затем он исторг тяжелый вздох, в котором разочарование мешалось с облегчением, и сел на берегу, вновь уподобив себя утесу.

Замер. Окаменел.

Небо над ним просветлело. Солнце не показалось, но свинцовая пелена туч истончилась, засеребрилась под не-

¹ *Аор* — меч с прямым, широким и мощным клинком. Слово «аор» также обозначает вооружение стрелка — лук и колчан.

зримыми лучами. Взору открылись холмы, поросшие лавром и можжевельником, могучие дубы, оливковые рощи, зеленые луга и приземистый дом, сложенный из грубо отесанных каменных глыб.

Туман клубился над морем в безопасном отдалении. Вернуться? Урвать и себе клочок суши? Нет, туман еще долго не решится на этот подвиг.

* * *

— Далеко собрался, старик? Не видишь, кто перед тобой?!

Старик был хром. Старик был слеп.

А окрик был насмешкой. Человек, задавший путнику два вопроса, один за другим, отлично понимал, что калека вряд ли в состоянии собраться так уж далеко. И не слепцу видеть, кто преградил ему дорогу этим вечером.

— Не вижу, — спокойно ответил старик, кутаясь в дырявый плащ. — Прости меня, но мои глаза давным-давно утратили зоркость. Кто же ты, остановивший меня? По голосу я слышу, что ты мужчина средних лет и крепкого телосложения. Наверное, ты способен сломать мне хребет легче, чем юноша ломает прибрежный тростник для свирели. Но также я слышу, что у тебя доброе сердце. Ты не причинишь вреда беспомощному старцу.

— Да ты зорче сокола! Я и впрямь добряк!

— Он сама доброта! — поддержали вожака двое товарищей. — Чье второе имя Милосердие? Не твое ли, Эвбулей?¹

И вся троица зашлась хохотом.

Слепой не видел их. Значит, незачем и тратить время на их описание. Можно лишь заметить, что да, все трое были средних лет, а двое — крепкого телосложения. Третий, мелкий и щедушный, должно быть, не родился как обычные люди, а вихрем выскочил из чрева своей

¹ *Эвбулей* — «дающий благие советы». Мужское имя, а также эпитет, относящийся к Зевсу.

мамаши. Он не мог устоять на месте: крутился, вертелся, приплясывал. В пальцах его правой руки мелькала хищная рыбка с блестящей чешуей.

Нож. Острая бронза.

Что делал нож? То же, что и хозяин. Плясал, вертелся, крутился.

— Мне понравился твой рассказ, — отсмеявшись, заметил Эвбулей. — Там, в харчевне. Я часто слышал сказки про Сизифа, великого хитреца. Признаюсь, Сизиф — мой кумир. В нем мне нравится все, кроме наказания. Кому по душе вечно толкать камень в гору? Нет, это не для меня. Но ты поведал слушателям кое-что новое, чего я не знал. Золотая цепь, а? Он связал бога смерти золотой цепью?

Старик кивнул.

— Жаль, что у меня нет ни цепи, ни золота.

— Жаль, — согласился старик.

— Проклятье! — гнул свое Эвбулей, нимало не интересуясь согласием или возражениями калеки. — У меня нет золота. Нет серебра. Нет теплой одежды. Нет хорошего вина. У меня нет даже кубка! Завалящего кубка из дрянной меди, с дешевыми камешками по ободку! У меня нет, а у тебя есть. Я видел, как жирный торговец, восхищенный твоими рассказными, подарил тебе этот кубок. Тебе не кажется, путник, что судьба несправедлива?

— У меня есть кубок, — эхом откликнулся старик. — И судьба воистину несправедлива. Ты прав.

— Дай его мне! И тогда мы скажем, что у тебя кубка нет, а у меня есть. Возможно, тогда ты доживешь до завтрашнего дня.

Нож в пальцах мелкого порхал все быстрее. Бронзовому клинку не нравились слова вожака. Какие? Требование отдать кубок? Обещание сохранить старику жизнь?!

Эвбулей хотел кубок. Нож хотел крови.

— И опять ты прав. — Старик пожевал запавшим ртом. Можно было подумать, что он пробует истину разбойника на вкус. — Ты заслуживаешь кубка, не я. Что сто-

ят жалкие рассказы перед гордой силой? Боги на твоей стороне, Эвбулей.

Он снял котомку, поставил на землю. С трудом присел рядом, потерял равновесие, шлепнулся боком на землю. Засмеялся над своей неуклюжестью, достал из котомки кубок, протянул Эвбулею:

— Вот. Забирай.

Вожак взял кубок. Спросил:

— Что у тебя в котомке?

— Две лепешки. Было три, одну я съел на ходу. Связка луковиц. Круг козьего сыра. Маленький, если по правде. Шляпа из войлока.

Плясал нож. Бесился. Старик был болтуном.

Зачем жить такому?

— Хочешь проверить? Забрать? Тогда бери всю котомку, так легче будет унести.

Эвбулей не стал проверять. Он даже отвечать старику не стал. Во все глаза, пятясь, вожак смотрел на белого коня, выросшего позади слепца. Откуда взялся конь? Соткался из воздуха? Слетел с неба? Вынырнул из земных глубин?! Останься дружки Эвбулея на месте, вожак уже врезался бы в них спиной. Но нет, дружки тоже пятились, и как бы не быстрее своего предводителя. Повернуться и кинуться прочь, сверкая пятками, им мешал страх. Казалось, стоит оторвать взгляды от коня, показать ему затылки, стриженные овечьими ножницами, — и случится страшное.

Конь? Живой кошмар.

Вдвое больше самой рослой лошади отсюда до Крита, он рыл землю копытом. Храп жеребца заполнял вселенную, врвался в уши разбойников, раздирал их, лишал слуха. Все звуки мира гасли, кроме этого храпа. Бешеные глаза горели двумя кострами, разведенными ночью в честь Гекаты Шестирукой. Пара мощных крыльев соткалась над крупом. Крылья бились, трепетали, превращая коня в Зевесова орла, кровопийцу Эфона.

Это было невозможно, но конь продолжал расти.

Горой нависнув над стариком, он вздернул верхнюю губу. Обнажились зубы, приличествующие скорее мате-рому льву. Слепец с большим трудом, кряхтя и охая, под-нялся на ноги. Протянул руку, с трудом дотянулся, по-хлопал чудовище по шее:

— Тихо, дружище! Все в порядке, успокойся.

И дал совет разбойникам:

— Бегите. Он не станет вас преследовать.

Они стояли как одно целое: слепец и конь. Два тела как одно. И все-таки им чего-то доставало. Кого-то? Сегодня был плохой день для таких размышлений. Эв-булей, мужчина средних лет и крепкого телосложения, точно знал: плохой, хуже некуда. Прежде чем пуститься наутек, он швырнул в старика кубком.

Старик поймал кубок на лету.

Конь и впрямь не бросился в погоню. Разбойники, убегая, делались меньше, превращались в глиняные фи-гурки, вылепленные малышней для забавы. Расстояние пожирало их, время доедало остатки. Делался меньше и конь. Не двигаясь с места, равнодушен ко времени и расстоянию, он терял грозный вид. Исчезли крылья, погасли глаза, сохранив обычный влажный блеск. Ста-рик поднял котомку, достал лепешку, протянул коню:

— Будешь?

Конь не отказался.

Старик привалился к коню боком. Было видно, что калеке трудно стоять. Мелкая дрожь била старца. Каза-лось, он испугался только сейчас, когда спасся от лихих людей.

— Благодарю тебя, — пробормотал старик. — Хоро-шо, что явился ты. Этот щенок... Я чуял его запах: кис-лый, злобный. Он хотел убить меня. Что бы ни велел во-жак, он хотел меня убить. Он меня не знает, ему просто нравится убивать. Как хорошо, что явился ты, Пегас! Мне даже страшно представить, что случилось бы...

Ноги отказали. Старик упал на тощий зад, вскрикнул от боли.

— Мне даже страшно представить, — повторил он хриплым шепотом, — что случилось бы, явись не ты, а *он*. Вряд ли *он* дал бы этим дуракам убежать. Я знаю тебя, я знаю *его*. Я знаю нас троих. И поэтому я знаю, что говорю.

Вечер опускался на дорогу, пыльную и каменистую. На Алейской равнине таких дорог тысячи. Здесь можно встретить кого угодно, даже самого себя. Что значит дорога? Время и расстояние. Можно пойти вперед, можно вернуться назад.

Даже если речь о времени, все равно можно вернуться назад.

Часть первая
ЛЮДИ, БОГИ И Я

Бродячие певцы знают мою жизнь лучше меня.

Они знают все, от первого вздоха до последнего хрипа; все, кроме правды. В этом есть здравый смысл: за правду не платят. Не дадут монетки, не нальют чашу вина. Кроме того, за правду можно схлопотать молнию с ясного неба.

Им нельзя, мне же можно.

Давайте я расскажу вам правду. Не из корысти, нет! Вряд ли вы окажетесь щедрее прочих. Но вечер долог, дождя нет. Мы сыты, сидим в тепле. Почему бы для разнообразия не скоротать ваше драгоценное время за моей недорогой правдой?

Первого вздоха не помню, врать не стану. А вы? Уверен, ваша память тоже не сохранила миг рождения. Вот детство — другое дело. Любовь и ненависть пускают корни именно там, в плодородной земле детства.

С него и начнем.

Эписодий первый ТАЙНА ЗОЛОТЫХ ЦЕПЕЙ

1

«Ты уверен, что это радость?»

— Радость! Великая радость!

На лице гонца застыл ужас.

По взрослым часто не поймешь: радуются они, злятся или еще чего. Но ужас-то я сразу узнал! Такое лицо было у Делиада, когда Алкимен ему гадюку в постель подбросил. Гадюка оказалась дохлая, но Делиад-то не знал!

Гонец боится, сейчас лужу со страху напрудит. А кричит: «Радость!»

Почему?

Внутри меня все сладко замерло. Чудовище! Говорю вам, чудовище! Возле города объявилось, хорошее мое. Вот и ужас: небось, уже съело кого-нибудь. А радость — потому что подвиг! Папины воины который год от безделья маются: войны-то нет, даже самой заваливающей. А тут — чудовище! Всем радостям радость! Воины убьют чудовище и станут героями. Потом устроят большой пир и будут радоваться еще больше, чаша за чашей, пока не напьются до козых копыт.

Я принялся судорожно вспоминать всех известных мне чудовищ. Дракон Ладон? Ага, где мы, а где остров Гесперид! Тифон? Его Зевс уже победил. Горгона Медуза? Ее Персей убил, как раз на мой день рождения. Ехидна? Эта в своей пещере сидит, наружу носа не кажет. Драконница Дельфина? Нет, если бы она из моря вылезла, уже бы весь город знал. Циклоп? Кербер? Пегас?! Он вроде не чудовище...

Может, какое новое объявилось?

Папа воинов в бой поведет. Ну да, папа — кто еще? Воссядет на колесницу, возьмет два копья. Меч возьмет,

щит. Жаль, меня не возьмет. Может, хоть издали дадут посмотреть? Нет, не дадут. Ну и ладно! Я дыру в стене знаю. Чудовище туда не пролезет. И взрослый не пролезет. А я пролезу! Проверял уже. Выберусь тише мыши — и за ними. Все-все увижу! Расскажу Алкимену и Делиаду с Пиреном, как дело было, — они от зависти сдохнут! Они большие, с мечами и копьями упражняются. Мне, сказали, еще рано. Ну и пусть! Зато я увижу, как будут убивать чудовище!

Главное, выяснить, куда воины пойдут. И бегом, чтобы не отстать.

— Радость, господин!

Из дворца, никуда не торопясь, вышел Главк, правитель Эфиры. Мой папа. Ну да, не только мой. У меня трое братьев — всем Главк папа. И все братья — старшие.

Не повезло.

Папа остановился наверху широкой лестницы. О нашей лестнице всегда говорят — широкая, так как высокой ее назвать трудно. Пять ступенек, зато из белого паросского мрамора. Служанки моют-подметают трижды в день. Поэтому лестница всегда чистая и сияет. Папа любит стоять на самом верху и смотреть сверху вниз. На дворцовый двор. На крепость-акрополь. На Эфиру, раскинувшуюся под холмом. На Лехейскую гавань, где толкуются пузатые, как водяные жуки, корабли со всего света. А Кенхрейскую гавань отсюда не видно. Видно, не видно — все наше, в смысле папино, наше-нашенское до последнего камешка.

На море папа тоже любит смотреть, хоть море не наше, а Посейдоново. Постоит, скажет что-нибудь такое, что правителю положено, — например: «Сегодня у меня важный гость. Никого не принимаю», — и обратно во дворец уйдет.

Сейчас Главк Эфирский смотрел на гонца. Смотрел так, словно дворца не существовало. Ни крепости, ни города, ни даже моря. Гонец бухнулся перед владыкой на колени. Никакой это не гонец, дошло до меня. Гонцов я видел. Они молодые, да. А этот седой, лишь на за-

тылке кое-где черные кучеряшки. Хитоны на гонцах яркие. Сами гонцы потные, в пыли, а все равно нарядные. У этого хитон простой, некрашенный, по подолу обтрепался. Вместо пояса — веревка. У ног посох валяется.

Пастух. Точно вам говорю, пастух! Небось, его овец чудовище сожрало.

Чего папа ждет?

Во дворе начали собираться люди. Только что никого, считай, не было — и вот нате вам! Придворные и советники толпились по обе стороны крыльца. Слуги замедляли шаг, останавливались. Вроде как случайно задержались, или дело прямо тут нашлось.

Не видно ничего за их спинами. Ну, кроме папиной макушки.

— Встань и говори.

Я стал протискиваться поближе. Вокруг меня мелькали ноги — босые, в сандалиях, исцарапанные, гладкие — и подола одежд. Время от времени я падал на четвереньки и лез напрямик, между ногами. Я мелкий, мне легко. В нос шибали запахи: пот, ароматические притирания, чеснок, лаванда, свежий хлеб, вино. Я изворачивался, лавировал в бесконечном лабиринте-многоножке, спешил как мог. А пастух уже возвещал:

— Господин, меня послали сообщить о великой радости!

— Ты уверен, что это радость?

Ну да, небось, папа тоже лицо пастуха разглядел.

— Так он мне велел, господин. Сообщи, мол, бацилею¹ Главку о великой радости.

— Кто — он?! Говори толком!

— Прости, господин! Я говорю, как велено. Радость!

Полный отчаяния голос пастуха взлетел над двором, «пустил петуха» и рухнул обратно. Пастух закашлялся. К этому времени я уже выбрался из толпы и услышал:

— Богоравный Сизиф, сын Эола...

¹ «Басилей» обычно переводится как «царь». Правильнее — «вождь»; иногда — «наместник».

— Что — Сизиф?!

— Твой отец, господин! Он вернулся!

Ахнула бабушка Меропа, закрыла рот рукой. Я и не заметил, как она вышла, встала позади отца. Бабушка Меропа у нас красавица. На вид ровесница моей мамы, а главное, ее даже папа побаивается. Бабушка — не только бабушка, но еще и дочь, одна из плеяд¹. Ее папа, мой прадедушка, — Атлант. Ага, тот самый, титан.

Который небо держит.

Тут кто угодно заботится. Обидишь бабушку, а тебя небом по башке — тресь! И звезды из глаз. Говорят, бабушку Меропу только дедушка Сизиф не боялся. Даже жениться на ней — и то не побоялся! Я вот иногда думаю: как он с ней столько детей прижил? Храбрый какой...

Ой! Это же пастух про дедушку Сизифа сказал! Дедушка, значит, вернулся. Как он мог вернуться?! Он же умер! И как же теперь чудовище?!

От внезапной догадки я похолодел. Чудовище, дедушка. Вдруг дедушка Сизиф в Аиде чудовищем заделался? В царстве мертвых под землей и не такое случается. Вернулся злой, голодный, сейчас нас есть начнет. Меня первого, я маленький, самый свежий...

— Боги лишили тебя разума, пастух?! Мой отец умер три года назад.

— Прости, господин! — Пастух рухнул на колени, как подрубленный. — Я видел его своими глазами! Я помню твоего отца с давних времен. Он говорил со мной. Это Сизиф, клянусь!

— И где сейчас мой отец?

— Он послал меня возвестить о его возвращении. Сам он идет следом. Меланий и Феодор его сопровождают. Они скоро будут здесь.

— Меланий?! Феодор?!

На лице папы читалось недоумение. Главк Эфирский припоминал имена даймонов, обитателей подземных бездн. Кто из них сопровождает воскресшего отца?

¹ Плеяды — семь сестер, дочери Атланта Небодержателя.

— Пастухи, господин. Неокл со стадом остался. Меня богоравный Сизиф вперед погнал, а Меланию с Феодором велел...

Пастух замолчал, побагровел. Тишина залила двор вязким маслом. Я обернулся. Я бы ничего не увидел, но толпа, запрудившая двор, торопливо расступалась перед людьми, которые мигом раньше вошли в ворота.

Впереди шел крепкий мужчина высокого роста. Его хитон — длинный, до колен! — был выкрашен в дорогуший заморский пурпур, а по подолу змеилась золотая кайма. За мужчиной робко жались двое пастухов. Вне сомнений, беднягам хотелось сбежать куда подальше, но они боялись. Попробуй послушайся, ага! Про пастухов я и забыл-то сразу — во все глаза глядел на предводителя. Вышагивал он так, будто это он здесь хозяин, а не папа. Такой весь... уверенный, вот! Настоящий базилей, и не потому, что хитон. Походка, осанка, взгляд. Борода седая, а кажется, что серебряная. Аккуратная, завитая, колечко к колечку — лучше, чем у папы.

Морщины на лице? Ну морщины.

Нет, я не мог назвать его стариком. Даже про себя. Не мог, и все! Ну какой он старик?! Дедушку Сизифа я помнил смутно. Он умер, когда мне было года три. А сейчас мне целых шесть! Ну почти. Осенью исполнится. Вроде дедушка. А может, нет. А если все-таки дедушка — он какой?

Живой? Мертвый?!

Солнечная колесница Гелиоса катилась по небу. Жарило будь здоров. Как вчера и позавчера. Каменные плиты двора обжигали мои босые ступни. Но мне вдруг сделалось зябко. Если это дедушка Сизиф, с бородой и в хитоне, он вряд ли чудовище. С другой стороны, если он мертвый, может, он не лучше чудовища? Или лучше? Или он все-таки живой? В Аиде умершие становятся бесплотными тенями, это все знают...

Я пожирал деда глазами. На тень он нисколечко не походил. У него, кстати, своя собственная тень имелась: ис-

правно волочилась следом. У тени ведь не может быть тени, верно? Или может?

Ох, что-то я совсем запутался!

Дедушка-недедушка тем временем уже весь двор пересек. Встал напротив папы, глядит снизу вверх. Нет, не снизу вверх. Будто вровень стоят.

— На тебе твой лучший хитон, отец, — сказал Главк Эфирский. — Мы тебя в нем похоронили. Надеюсь, ты был доволен.

Сказал негромко, но в тишине его слова прозвучали как гром.

— Я доволен, — кивнул неожиданный гость. — С чего бы мне гневаться? Это мой любимый хитон. Пурпур для него привез толстяк Аби-Баал из Багряной страны¹. Проклятый торгаш! Мера краски за три меры серебра, не грабеж ли? Владыка Аид тоже оценил. Он бы сам не отказался от такого хитона.

И Сизиф засмеялся.

* * *

Одна служанка завизжала так, что у меня заложило уши.

Другая молча грохнулась в обморок.

2

Боги, за что караете?!

- Сожгли!
- Не сожгли!
- Точно вам говорю! Не сжигали его!
- Как так?! Разве можно?!
- Нельзя!
- Госпожа Меропа приказала, вот и не было костра.
- В толос² медный положили!

¹ *Багряная страна* — Финикия. Сами финикийцы называли себя «ханаанеи», а страну — Ханаан.

² *Толос* — круглое сооружение (святилище, гробница или памятник).

- Я помогал, все видел...
- Травами всего засыпали. Благовониями...
- Лежал как живой...

Когда дедушка — конечно, дедушка, раз папа его признал! — проходил мимо меня, я и впрямь уловил аромат благовоний. Лаванда, мирра, ладан, опопанакс... У меня чуткий нос, а названиям меня обучила бабушка. Запах был приятный, можно сказать, торжественный, но я чуть не расчихался.

- ...Вот потому и вернулся!
- Почему — потому?
- Потому что тело не сожгли, баранья твоя башка!
- Точно! Тень из Аида шасть — и в тело...
- Тсс! Идет!..

У всех немедленно нашлись срочные дела. Слуги порскнули во все стороны стаей испуганных воробьев. Дел и правда хватало: из кладовых тащили амфоры с вином, мед, сыр, фрукты, лепешки, прочую снедь. От запаха жарящегося мяса у меня отчаянно бурчало в животе. По этой причине я и не заметил, как дедушка вернулся: ни аромата его торжественного не учуял, ни шагов не расслышал.

Это рабы господина за стадию¹ чувт. И сразу — с глаз долой. А мне-то зачем?

- Как вы могли?! — бушевал дедушка.

Он спускался вниз по мраморным ступеням. Спускался долго, хотя ступенек было мало. На каждой дедушка топал так, что мрамор грозил пойти трещинами. Раз топал, два, десять. До десяти я считать умею.

- Три года! Три распроклятых года!

Папа с бабушкой Меропой шли за ним, как на привязи. Топать они боялись, шли тихонько. Дедушка не оборачивался. Был уверен: жена и сын следуют за ним.

- Три года! И ни одной поминальной жертвы!

¹ *Стадия* — мера длины. Общего стандарта не было, чаще всего равнялась 177,6 м.

Олди Генри Лайон

О 53 Золотой Лук. Книга I : Если герой приходит : роман / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. : ил. — (Азбука-фэнтези).

ISBN 978-5-389-19354-3

Не всякому дано побывать в Эфире. Так говорят, изнывая от зависти, жители Афин и Спарты, Фив и Аргоса. Сюда, в богатую Эфиру, владычицу торговых путей, где правит знаменитый лошадиник Главк, из царства мертвых возвращается отец Главка, великий хитрец Сизиф. Сюда же прилетает поджигать храмы ужасная Химера. Наведывается в эти края и крылатый конь Пегас, чтобы напиться из священного источника на городской площади. Тут сойдутся интересы богов: лукавого Гермия, мудрой Афины и вспыльчивого Посейдона.

А еще в Эфире живет маленький Гиппоной, сын Главка и внук Сизифа. Тот, кого позже узнают под именем Беллерофонта — Метателя-Убийцы. Здесь начнется его яркая, буйная, трагическая судьба, а где и как она завершится — это еще лежит у богов на коленях.

УДК 821.161.2

ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ЗОЛОТОЙ ЛУК
Книга I. Если герой приходит

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.03.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»:
<http://www.oldieworld.com>

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-FAF-28893-01-R